

СЕРГЕЙ АСТАПОВ*

«ПРИНЦИП НЕДОВЕРИЯ ПОМЫСЛАМ» В ГРАММАТИКЕ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ**

ГОРИЗОНТЫ ЭТИКИ И АСКЕТИКИ

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-268-278.

ВВЕДЕНИЕ: О ГОРИЗОНТАХ

В русской философии периодически осуществлялись и осуществляются в наше время попытки выразить наследие православного богословия средствами философии, чтобы актуализировать идейный потенциал православной традиции в решении мировоззренческих и экзистенциальных проблем. Самой грандиозной попыткой была русская софиология, давшая ряд интересных теорий, которые становились импульсами к религиозному обращению не у одного поколения читающих философскую литературу, и которые, вместе с тем, вызывали критику и неприятие со стороны богословов и церковных деятелей. Статья А. С. Мишуры тоже является попыткой посмотреть на религиозную традицию не как на объект, способный вызвать тот или иной исследовательский интерес, а как на своеобразную парадигму решения антропологических, этических и других проблем, возникающих в сознании современного человека, — попыткой, которая осуществляется в дискурсе современной философии. При этом из всех течений современной философии А. С. Мишура выбирает аналитическую философию, языком которой сложнее всего передать содержание религиозного опыта. Автор осознает недостатки сделанного выбора: он говорит об «ограниченной взаимопереводимости» словарей православной аскетики и аналитической философии,

* Астапов Сергей Николаевич, д. филос. н., Институт философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону), snastapov@sfedu.ru.

** © Астапов, С. Н. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

о неизбежности смысловых потерь в результате применения «совершенно чуждой этому [православному] мировоззрению системы понятий» и ожидает, что читатели его статьи укажут эти потери.

Разумеется, важно было бы обсудить, каковы эти потери, насколько они велики, и насколько оправданно, в связи с этим, использовать грамматику аналитической философии. Но не менее важно отметить значимость самого обращения к православной аскетике, как к ресурсу религиозной философии. В связи с этим стоит вспомнить, что в конце XX века такое обращение предпринял создатель «синергичной антропологии» С. С. Хоружий, однако, в другом, более удачном для выражения религиозного опыта, дискурсе — феноменологическом. «Вспомним, что в православии, наряду с обычным „теоретическим“ или „академическим“ богословием (развитым, впрочем, неизмеримо слабее, чем на Западе), от века существовал иной тип богословской мысли, стоящий на неразрывном союзе с духовной практикой, опытом жизни в Боге. Опытной базой его служила сфера аскептики, а главной категорией выступало обожение — концепт особого рода, соединительный мост между аскептикой и богословием, одновременно — фундаментальное богословское понятие и практический предмет, искомое аскетических трудов», — писал он в «Аналитическом словаре исихастской антропологии» (Хоружий, 1995). Впрочем, и его теория вызвала неоднозначную богословскую реакцию.

Моя статья преследует цель показать, что при применении аппарата аналитической философии к положениям аскептики возникает некое раздвоение смыслового горизонта: этический горизонт отделяется от мистико-религиозного. Феноменологическое понятие «горизонт» в данном контексте призвано выразить следующее. Православное сознание источником морали полагает заповеди Бога. Поведение православного человека, в конечном счете, обусловлено сотериологической целью: идеал нравственного индивида — праведник, он же обретает спасение. Этому учит аскетическое богословие. Философия, тем более аналитическая, не имеет никакой необходимости принимать в качестве предпосылки утверждение, что источником морали являются заповеди Бога, даже если будет исследоваться поведение православного индивида, принимающего это утверждение на веру и сообразующего с ним свой образ жизни. История философии знает не одно обоснование иных источников морали. То, что в дискурсе аскетического богословия совпадает в образе праведника, в дискурсе аналитической философии (и не только аналитической) «раздваивается» на добродетель и праведность: моральный

поступок может быть сотериологически индифферентен, поступок, имеющий религиозную санкцию, может нарушать этические нормы. Когда мы рассматриваем «морально порочный поступок», мы с позиции этики говорим о поступке, снижающем нравственную репутацию индивида, а с позиции аскетики — о поступке, приносящем ущерб для реализации жизненной стратегии (говорим, конечно, не только об этом, но в этом обнаруживается «раздвоение»).

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ «ПРИНЦИПА НЕДОВЕРИЯ ПОМЫСЛАМ»

Итак, главная заслуга статьи А. С. Мишуры состоит в том, что актуализируется и вводится в философский дискурс один из основных принципов («богословское понятие и практический предмет») христианской аскетики — «хранение ума», операционализированный в таких понятиях, как «борьба со страстями» («невидимая брань») и «различение помыслов». Аналитическому исследованию последнего в форме обоснования «принципа недоверия помыслам» (ПНП) и посвящена статья А. С. Мишуры.

ПНП представляет собой следующее утверждение:

Для агента S может быть морально оправданно игнорировать свидетельства в пользу истинности некоторой пропозиции P и мысли о P вообще, если у него имеются достаточные основания считать, что формирование убеждения B , что P имеет место, приведет его к совершению морально порочного поступка, даже если P действительно является истинной пропозицией.

В целях логического анализа выделим простые высказывания в составе этого утверждения:

- (1) Для агента S может быть морально оправданно игнорировать свидетельства в пользу истинности некоторой пропозиции P и мысли о P вообще.
- (2) У агента S имеются достаточные основания считать, что формирование убеждения B приведет его к совершению морально порочного поступка.
- (3) Убеждение B состоит в том, что P имеет место.
- (4) P действительно является истинной пропозицией.

Кроме того, утверждение ПНП неявно включает еще два суждения:

- (5) Существуют свидетельства в пользу истинности некоторой пропозиции P .
- (6) Агент S способен совершить морально порочный поступок.
- (7) Убеждение B может быть сформировано.

Если из этих высказываний построить логический вывод¹, эквивалентный ПНП, то получится следующее:

- (8) Если у агента *S* имеются достаточные основания считать, что формирование убеждения *B* приведет его к совершению морально порочного поступка (2), и убеждение *B* может быть сформировано (7), и убеждение *B* состоит в том, что *P* имеет место (3), и *P* действительно является истинной пропозицией (4), и существуют свидетельства в пользу истинности пропозиции *P* (5), и агент *S* способен совершить морально порочный поступок (6), то для агента *S* может быть морально оправданно игнорировать свидетельства в пользу истинности некоторой пропозиции *P* и мысли о *P* вообще (1).

Можно заметить, что наличие в антецеденте вывода (8) высказывания (3) делает лишним здесь высказывание (5), указывающее лишь на форму репрезентации истинной пропозиции *P*. Но в содержательном плане наличие высказывания (5) необходимо, так как в консеквенте (1) говорится именно о свидетельстве о *P*, а не о самой пропозиции *P*. Допущение, что *S* может морально оправданно игнорировать истинную пропозицию *P*, к которому А. С. Мишура иногда склоняется², в его статье не обосновано, поскольку автор и не ставил перед собой такой цели. Его цель — показать ошибочность утверждения П. Ван Инвагена: «Всегда, везде и для всех ошибочно игнорировать свидетельства, которые значимы для принятия убеждений, или легкомысленно отвергать свидетельства» (Van Inwagen, 1996: 145). Автор определяет помысел как «ментальные состояния, включающие как пропозициональное содержание, так и не пропозициональное содержание», и сосредоточивается на оправдании неприятия помысла на основании несоответствия его непропозиционального содержания определенным нормам.

Поскольку пропозициональное содержание помысла принимается в качестве истинного на веру, постольку утверждение (4) должно быть исключено из антецедента и ПНП следует представить в виде такого логического вывода:

¹Он необходим для того, чтобы четко видеть логические связи.

²«Как мы постараемся показать, иногда тщательная оценка свидетельств в пользу некоторой мысли, анализ этой мысли, принятие ее в качестве убеждения, даже внимание к ней могут быть несколько не оправданны с моральной точки зрения и даже ошибочны, несмотря на *истинность* данной мысли и эпистемические достоинства процедуры обращения с ней».

- (9) Если у агента S имеются достаточные основания считать, что формирование убеждения B приведет его к совершению морально порочного поступка (2), и убеждение B может быть сформировано (7), и убеждение B состоит в том, что P имеет место (3), и существуют свидетельства в пользу истинности пропозиции P (5), и агент S способен совершить морально порочный поступок (6), то для агента S может быть морально оправданно игнорировать свидетельства в пользу истинности некоторой пропозиции P и мысли о P вообще (1).

Теперь можно рассмотреть, какие могут быть у агента S основания для того, чтобы некоторые пропозиции он мог оправданно игнорировать.

ЭТИЧЕСКИЙ ГОРИЗОНТ «ПРИНЦИПА НЕДОВЕРИЯ ПОМЫСЛАМ»

В книге «Истина и метод» Г. Гадамер дал очень простое определение горизонта — это «поле зрения, охватывающее и обнимающее все то, что может быть увидено из какого-либо пункта» (Гадамер, Бурова, 1988: 358). Если перенести это определение на понятие «этический горизонт», то под последним нужно понимать всю совокупность моральных действий и намерений, которая формируется на основе того или иного морального принципа или совокупности (или системы) принципов и направлена на достижение нравственного идеала личности. Исходя из этого понимания, опишем этический горизонт ПНП.

Агент S — нравственная личность. Это значит, что (6) он может совершать как нравственные, так и безнравственные поступки³, способен различать нравственные и безнравственные поступки, совершает поступки на основе собственных убеждений, не желает совершать безнравственные поступки.

- (7) У агента S может сформироваться убеждение B , приводящее его к совершению безнравственного поступка, при этом (2) агент S имеет сведения о B , достаточные для принятия решения.
- (3) Убеждение B состоит в том, что P имеет место, и (5) существуют свидетельства в пользу истинности пропозиции P , формирующие B .

³Будем вместо термина «морально порочный поступок» использовать термин «безнравственный поступок» для удобства соотнесения его с нравственным поступком. Несмотря на то, что многие философы аргументированно проводят различие между моралью и нравственностью, для данного исследования это различие несущественно, поэтому понятия «мораль» и «нравственность» условимся считать тождественными.

Нравственная личность S , по крайней мере, для сохранения своего статуса, должна⁴ проигнорировать свидетельство о P , даже если это свидетельство достоверное, тем более должна проигнорировать его, если оно недостоверное. Впрочем, недостоверное свидетельство на основании знания о его недостоверности, скорее всего, будет проигнорировано настолько быстро, что не приведет к формированию убеждения. Итак, нравственное сознание агента S велит игнорировать любое свидетельство, на основе которого может сформироваться убеждение, не соответствующее нравственным принципам.

Рассмотрим ситуацию, когда формирование убеждения B_1 в том, что P_1 имеет место, и существуют свидетельства в пользу истинности пропозиции P_1 , формирующие B_1 , может привести к совершению нравственного поступка. В данном случае S также может игнорировать свидетельства о P_1 , но предпочтительно для формирования нравственного поступка их не игнорировать. Однако, чтобы определить, соответствует ли свидетельство нравственным принципам или не соответствует, приведет ли к убеждению для совершения нравственного поступка или безнравственного, необходимо знать его содержание. Разумеется, знакомство с информацией еще не означает формирования убеждения, но означает, что свидетельство не игнорируется, а оценивается. На основе этой оценки и совершается нравственный выбор.

Таким образом, высказывание (2): «у агента S имеются достаточные основания считать, что формирование убеждения B приведет его к совершению морально порочного поступка» представляется необоснованным в пропозициональной части. В отношении же непропозициональной составляющей помысла у S есть основания для принятия игнорирующего решения, и А. С. Мишура эти основания убедительно представляет. По большому счету их два: сомнительный источник свидетельства и принадлежность S к определенной традиции, которая учит различать источники формирующей убеждения информации, — православному христианству.

Источниками или причинами помыслов с точки зрения базовых убеждений православного человека, как указывает автор, могут быть: (а) желания индивида, часть из которых является страстными, то есть приводящими к порочным действиям; (б) злые духи, так манипулирующие

⁴Изменение модальности с «может» на «должна» в данном случае оправдано, так как моральное сознание предписывает, а не рекомендует действие, то есть маркирует действие именно как должное, а не возможное в данной ситуации.

людьми, что последние склоняются к порочным действиям, а не к добродетелям; (в) Бог и ангелы, выступающие источником благих помыслов, но получение помыслов из этого источника эффективно только при блокировке двух других. При формальном расчете получается, что, скорее всего, индивид получит информацию из источников (а) и (б), то есть такую информацию, которая приведет к совершению порочных поступков. В результате, по причине преобладания этих источников в поведении человека должны преобладать безнравственные поступки, если безнравственные и порочные действия суть одно и то же. Такой вывод легко может сформировать заниженную нравственную самооценку личности и отказ от принятия самостоятельных решений и нравственного выбора.

Поэтому для нравственного выбора утверждение П. Ван Инвагена представляется более продуктивным, чем ПНП, который формально провозглашает свободу выбора: *S* может игнорировать свидетельство, может не игнорировать, — но в действительности постольку, поскольку нравственные нормы имеют императивный характер, для нравственного сознания, руководствующегося ПНП, игнорирование оправдано и санкционировано, а принятие — нет.

Еще один аспект, не менее важный для понимания нравственного поступка, состоит в различии оценки поступка с позиции моральных и религиозных норм. На первый взгляд представляется, что религиозная мораль — это целостное образование, в котором отношения между людьми подчиняются отношениям человека с Богом. Действительно, религиозная мораль формирует поведенческие установки, в которых «человеческие» или «земные» нормы подчинены «божественным», понимаются как их проекция. Такая субординация в религиозном сознании не столько принижает нормы социального общения, выступающие своего рода общим знаменателем взаимно сталкивающихся интересов индивидов, сколько задает твердый критерий нравственного поведения: религиозные заповеди и догмы, опирающиеся на наивысший авторитет — авторитет божества. Но поскольку существует две группы норм, между ними может возникнуть несоответствие, которое устраняется религиозным сознанием в пользу «божественного»: если социальные нормы станут препятствием отношениям с Богом, то религиозный индивид отступит от них.

С. Кьеркегор в книге «Страх и трепет» показал это различие на примере библейского сюжета об Аврааме и Иакове (Кьеркегор, Исаева и Исаев, 1993: 22–28). Когда Авраам отправился в землю Мориа, чтобы, по воле Бога, принести в жертву Исаака, он совершил аморальный,

с точки зрения социальных норм, поступок. Сыноубийство — страшное преступление, и даже довод к тому, что так Бог велел, не был бы принят никем из близких или соплеменников Авраама, так как Бог сообщил свою волю только Аврааму. Вот почему Авраам скрыл свое согласие с волей Бога и солгал «отрокам своим», сказав; «Я и сын пойдем туда и поклонимся, и возвратимся к вам» (Быт. 22:5).

Таким образом, несмотря на то, что религиозная этика представляет собой своеобразную систему норм и принципов, бинарность в этой системе имеет место: «кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22:21).

АСКЕТИЧЕСКИЙ ГОРИЗОНТ «ПРИНЦИПА НЕДОВЕРИЯ ПОМЫСЛАМ»

Принцип недоверия помыслам можно признать релевантным только для православной аскетики. Но в этом случае использование языка аналитической философии неэффективно, потому что возникает необходимость комментариев к каждому высказыванию. В аскетическом горизонте (то есть в совокупности действий, направленных на достижение православного аскетического идеала — синергии человека с Богом) ПНП должен быть переформулирован примерно так:

(10) Если у агента S имеются основания считать, что формирование убеждения B приведет его к совершению порочного поступка (2), и убеждение B состоит в том, что P имеет место (3), и существуют свидетельства в пользу истинности пропозиции P (5), то для агента S может быть оправданно игнорировать свидетельства в пользу истинности некоторой пропозиции P и мысли о P вообще (1).

В этической формулировке (9) из ПНП было исключено высказывание (4): « P действительно является истинной пропозицией». Оно отсутствует и в аскетической формулировке, поскольку понимание истины в православном мировоззрении не тождественно корреспондентской теории истины. Во-первых, сам Бог есть Истина, значит, что от Бога, — то и истинно. Во-вторых, истина — это то должное состояние, которое выступает целью существования — должное, а не сущее. И только, в-третьих, истина — это соответствие содержания пропозиции действительности, причем нужно учитывать, что действительность повреждена грехом, она не представляет собой истинное бытие. Неудивительно, что «князь мира сего» и злые духи в своих высказываниях выражают то, что соответствует этой действительности. Поэтому в православном мировоззрении высказывание: « P действительно является истинной пропозицией» приобретает противоположные значения и несколько не уточняет смысл ПНП. Вместе с тем, в высказываниях (1) и (5) термин

«истинность» следует сохранить, поскольку *S* приобретает уверенность, что *P* истинна, безразлично к тому, что эта истинность, по своей сути, означает.

В высказывании (2) при включении его в утверждение (10) слово «морально» оказывается лишним. Порочный поступок — больше, чем нарушающий нормы морали поступок. Это поступок, который наносит ущерб жизненной стратегии верующего индивида: спасению и обретению вечной жизни. Порочный поступок может быть индифферентен для солидарных взаимоотношений между людьми, например, тот, который вызван страстью чревоугодия, но он пагубен для стратегии «жизни в вечности», и расценивается как онтологический промах.

Высказывания (6) и (7), необходимые для создания логической конструкции (8), оказываются избыточными для рассуждения (10), так как в христианском мировоззрении любому человеку присуще «диспозициональное свойство» быть грешным и, соответственно, формировать греховные убеждения.

В высказывании (1) слово «морально» также является лишним, поскольку действие агента *S*, состоящее в игнорировании *P*, имеет оправдание не столько моральное, сколько сотериологическое.

И, наконец, последнее, но не менее важное замечание: *S* рассматривается как личность аскета-подвижника, то есть личность, сознательно разорвавшая с «миром», отрекшаяся от значительного ряда социальных ролей. «Когда же кто, напротив, занимается мирскими заботами и плотскими делами, и вдается в суетные и праздные беседы, тогда худые помыслы умножаются в нас», — наставляет св. Иоанн Кассиан (Иоанн Кассиан, Екатериновский, 1992: 95). Для личности подвижника добродетели проявляются не столько в социальных взаимоотношениях, сколько в монашеских подвигах борьбы со страстями. Ей чужда свобода морального выбора. Место этой свободы занимает свобода от греха вследствие осознанного подчинения себя Божьей воле или, по-другому говоря, согласования своей воли с волей Бога.

Поэтому представляется, что в статье А. С. Мишуры обосновывается не утверждение «морально оправданно игнорировать свидетельства в пользу истинности некоторого убеждения», как о том заявляет ее автор, а другое утверждение: «с позиции аскетики и, в конечном счете, сотериологии, оправданно игнорировать свидетельства в пользу истинности некоторого убеждения».

ЛИТЕРАТУРА

- Гадамер Г.-Г. Истина и метод : основы философской герменевтики / общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова ; пер. с нем. И. Буровой. — М. : Прогресс, 1988.
- Иоанн Кассиан. [Сочинения] / пер. с лат. П. Екатериновского // Добротолюбие. В 5 т. Т. 2 / под ред. Г. В. Говорова. — Сергиев Посад : Свято-Троиц. Сергиева Лавра, 1992. — С. 100–300.
- Кьеркегор С. Страх и трепет / пер. с дат. Н. В. Исаевой, С. А. Исаева. — М. : Республика, 1993.
- Хоружий С. С. Аналитический словарь исихастской антропологии // Синергия : проблемы аскетике и мистики православия / под ред. С. С. Хоружий. — М. : Ди-Дик, 1995. — С. 42–150.
- Van Inwagen P. It is Wrong, Everywhere, Always, and for Anyone, to Believe Anything upon Insufficient Evidence // Faith, Freedom and Rationality / ed. by J. Jordan, D. Howard-Snyder. — Lanham (MD) : Rowman, Littlefield, 1996. — P. 137–153.

Astapov, S. N. 2019. “‘Printsip nedoveriya pomyslam’ v grammatike analiticheskoy filosofii [‘The Principle of Distrust to Thoughts’ Through Grammar of Analytic Philosophy]: gorizonty etiki i asketiki [The Horizons of Ethics and Ascetical Theology]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* III (3), 268–278.

SERGEY ASTAPOV

DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY, INSTITUTE OF PHILOSOPHY AND SOCIAL AND POLITICAL STUDIES,
SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY (ROSTOV-ON-DON)

“THE PRINCIPLE OF DISTRUST TO THOUGHTS”
THROUGH GRAMMAR OF ANALYTIC PHILOSOPHY
THE HORIZONS OF ETHICS AND ASCETICAL THEOLOGY

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-268-278.

REFERENCES

- Gadamer, G.-G. [Gadamer, H.-G.] 1988. *Istina i metod [Wahrheit und Methode]: osnovy filosofskoy hermenevtiki* [in Russian]. Ed., with an introd., by B. N. Bessonov. Trans. from the German by I. Burova. Moskva [Moscow]: Progress.
- Ioann Kassian [Ioannes Cassianus]. 1992. “[Sochineniya] [Works]” [in Russian]. In vol. 2 of *Dobrotolyubiye [Philokalia]*, ed. by G. V. Govorov, trans. from the Latin by P. Yekaterinovskiy, 100–300. 5 vols. Sergiyev Posad: Svyato-Troits. Sergiyeva Lavra.
- K’yerkegor, S. [Kierkegaard, S]. 1993. *Strakh i trepet [Frygt og Baeven]* [in Russian]. Trans. from the Danish by N. V. Isayeva and S. A. Isayev. Moskva [Moscow]: Respublika.
- Khoruzhiy, S. S. 1995. *Analiticheskii slovar’ isikhast-skoj antropologii [Analytical Dictionary of Hesychast Anthropology]* [in Russian]. In *Sinergiya [Synergy] : problemy asketiki*

- i mistiki pravoslaviya* [*Problems of Ascetics and Mystics of Orthodoxy*], ed. by S. S. Khoruzhiy, 42–150. Moskva [Moscow]: Di-Dik.
- Van Inwagen, P. 1996. “It is Wrong, Everywhere, Always, and for Anyone, to Believe Anything upon Insufficient Evidence.” In *Faith, Freedom and Rationality*, ed. by J. Jordan and D. Howard-Snyder, 137–153. Lanham (MD): Rowman / Littlefield.